

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЗЛОСЧАСТНАЯ

Зинаида Гиппиус

Злосчастная

«Public Domain»

1890

Гиппиус З. Н.

Злосчастная / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1890

«...Всегда я была гордая и упрямая. Да и то сказать, будь я смиренная, не умей сама за себя постоять – пожалуй, и на свете бы теперь меня не было. Я ведь «казенная», из Воспитательного дома, а «казенные дети», пока вырастут, могут всего натерпеться. Отдают их еще крошками в деревню – тут около Петербурга, больше к чухнам; хорошо, если попадется добрая мамка; а у иной своих пять человек – где же о чужом ребенке заботиться...»

© Гиппиус З. Н., 1890

© Public Domain, 1890

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Зинаида Гиппиус

Злосчастная

I

... Всегда я была гордая и упрямая. Да и то сказать, будь я смиренная, не умей сама за себя постоять – пожалуй, и на свете бы теперь меня не было. Я ведь «казенная», из Воспитательного дома, а «казенные дети», пока вырастут, могут всего натерпеться. Отдают их еще крошками в деревню – тут около Петербурга, больше к чухнам; хорошо, если попадется добрая мамка; а у иной своих пять человек – где же о чужом ребенке заботиться.

Я до восьми лет горя мало видела. Моя кормилица-чухонка была хорошая, меня любила; и я ее любила, матерью называла. Она воспитывала меня по-божьему.

Умерла чухонка – кончилось мое привольное житье. Ее сестра стала нас с братом Андрюшей всячески тиранить и мучить. Андрюша тоже воспитанник был, не родной мне брат, названный. Новая хозяйка наша Бога не боялась и людей не страшилась. Бывало, зимой холодно, одежды никакой не давала, по снегу босиком бегаем; и рубашки нам по четыре раза в год меняла. Летом мы вместо пастухов были: овец, свиней пасли; а придут заморозки – до свету гонят нас на поле, картошку копать. Холодно, темно... Только и радости, что скрадем у хозяйки спичек, разведем на поле огонек и печем картошку; да и то оглядываемся, не идет ли кто.

Прошло три года, мне десять лет минуло. Всех десятилетних отбирают и везут ближе к Петербургу, чтобы по-русски научились. Я по-русски ни слова не знала, все по-чухонски. Иным воспитанникам и не хочется уезжать, привык-нут, а нельзя – надо. Набор этот бывает всегда осенью, после Покрова.

В самый Покров приехал окружной врач, строго наказал воспитателям привести нас всех, сколько назначено, в одно время в окружной лазарет.

До лазарета считалось двадцать пять верст. Приехали мы, идем в приемную комнату – а там плач, шум: наши названные отцы и матери плачут, провожают. Иных как своих родных воспитывали.

Когда мы остались одни, начальник проверил, все ли явились; нас было много, двести девятнадцать человек.

Отсюда всех везут в Петербург, в Воспитательный, там уж назначают кого куда.

Рано разбудили нас на другое утро. Доктор дал билеты казенные, велел не потерять и читал наставление, чтобы слушались мы своих будущих хозяев; да еще роздал нам от казны по яблоку и по мармеладинке.

Увезли нас.

II

Я попала в богатый дом. Ребятишек было человек пять, все маленькие. Хозяйка мне сразу не понравилась: лицо хитрое, злое. Я потом про себя ее ведьмой звала. Окружной врач велел меня чисто одеть и пускать каждый день в школу. Не понравился хозяйке такой приказ: я ее ребят нянчила, домашнюю работу справляла.

До школы было девять верст. Собрались все мальчики и девочки рано, зашли за мной, а я и спроситься не смею; хозяйка сердита, ходит по избе, ворчит. Один мальчик сказал ей:

– Ты, тетка Марья, пусти ее сегодня; сегодня все должны прийти, записываться будут, а потом как тебе угодно.

Она крикнула мне с сердцов «ступай!» А как идти? Холода сильные, надеть вовсе нечего. Ну, однако, надела лохмотье какое-то, пошла.

Началось мое мученье: учитель велит непременно каждый день приходиться, а тетка из дому не пускает. Урывками только и могла учиться: но я не ленилась и скоро стала все порусски понимать, цифры узнала и буквы. На экзаменах очень стыдно бывало: все приоденутся, одна я в лохмотьях, словно цыганка.

Так бегала я в школу, босая и неодетая, две зимы, а на третью сильно заболела. В лазарете пришлось целый год пролежать: сначала корь была, а потом ноги все ломило. Хозяева мои за это время ни разу не навестили меня, не пришли узнать, жива ли я.

Я поправилась, назначили меня на выписку. Я была рада; думала, вот снова поеду на прежнее место, буду в школу ходить, хоть понемногу ученье продолжать.

Но не вышло по-моему. В последний день сказала мне сиделка, что я опять «переводная»: к другим хозяевам, в колонию, к немцам меня назначили. Горько мне стало: я всегда слышала, что колонисты злые, и питомцам у них хуже живется.

Приехал за мной колонист; с виду он был добрый, но я ему все-таки не очень-то верила. Хозяйка оказалась не сердитой; она была немножко помешана, в хозяйство не входила; я одна должна была обо всем заботиться. В школе учиться уж не пришлось.

В колонии я отдохнула немного от моих прежних мытарств и поправилась.

III

Мне исполнилось семнадцать лет; взяли меня из колонии в Петербург, в «казну», то есть на казенную службу в институт. Из питомок каждый год отбирают в казну положенное число. В институте мне понравилось, и занятие свое я скоро поняла: меня определили в бельевую, смотреть за бельем.

Подруг много, весело; у нас, – девушек, и вечера бывали. Мы танцевать любили и умели: как у воспитанниц танцкласс – мы в соседнюю комнату, и все, что им учитель показывает, мы перенимаем. Привыкла я тоже книжки читать; все девушки романы потихоньку читали. Один раз мне попался страх какой интересный: «По локоть руки в золоте, по локоть руки в крови». Я этот роман все по ночам читала, чтобы наша кастелянша, мадам Рязанова, не увидела. Она не любила.

Сидела я раз вечером в девичьей – работу мы покончили – вдруг приходит моя знакомая, Анна Ивановна. Я уж ее целый год не видала, мы с ней никогда особенно не дружили. Не знаю, как это она меня вспомнила.

– Пойдем, Паша, ко мне, посидим, чайку напьемся. Тут недалеко, на Николаевском вокзале.

Пошли мы. Ее названный муж был дома, я его раньше не видала, ну – познакомились.

Пока чай готовили, я села у окна.

Дверь отворилась. В комнату вошел незнакомый человек, снял пальто, тихо сказал «здравствуйте», и сел к столу. Анна Ивановна засуетилась, угощает его, но меня ему не отрекомендовала. Я узнала потом, что это обер-кондуктор с Николаевской железной дороги; он у Анны Ивановны комнату снимал, жилец ее был.

С первого взгляда он мне показался уже немолодым, некрасивым: темные усы висели книзу, волосы спереди подрезаны, сам высокий, худощавый... Но тихий и кроткий разговор его я слушала с удовольствием.

Помню, вскоре после того мы его на Троицу на бал пригласили. В этот день у девушек всегда бал: двух гармонистов зовут, – большие у них такие гармонии, – угощение бывает и танцы в «круглом саду».

Вечер был теплый, ясный; молоденькие листочки едва развернулись, дни стояли длинные, ночи почти не было – сумерки. Все же, когда чуть стемнело, ушли танцевать в девичью; мы с ним одни остались в саду, долго гуляли между деревьями.

Он мне рассказывал о себе, говорил, что любит спокойную жизнь, семейный угол... Я молчала; мне было хорошо с ним, и казалось, что я его давно знаю, давно слышала такие речи, тихие и разумные.

Мой новый знакомец, Борисов, кротостью вошел в мое сердце. Я его не сразу полюбила. То нравится он мне, то будто чую в нем что-то хитрое и злое, страшно мне делается, дальше от него быть стараюсь.

IV

Началась у нас переписка, свиданья пошли. Мы часто виделись у Анны Ивановны. Позовет она меня к себе, а сама сидит-сидит – вдруг вспомнит: «Ах, Боже мой, ведь меня кума Пелагея Васильевна зайти сегодня зачем-то просила! Ты погоди, Паша, я сейчас вернусь».

И уйдет. А я радовалась, это время мы с жильцом, Николаем Ивановичем, вдвоем просиживали. Я уж тогда начала к нему очень привыкать. Чуть день не повидаю – скучно, и работать не могу. Он и в институт часто приходил. Я о своей любви ему никогда не говорила, держала себя гордо.

Раз – это было уж в конце мая – он целый день не приходил. К вечеру, часов в восемь, я не вытерпела: дай, думаю, пойду к Анне Ивановне – может, и он с поезда вернулся.

Погода стояла славная, тепло, тихо. По улицам и огней не зажигали, совсем день, светло. У Анны Ивановны посидела я немного – гляжу, идет он.

– Здравствуйте, – говорит, – как здоровье? Душевно рад вас видеть. Я сегодня целый день ездил, вот только сейчас с поезда.

Пока мы там сидели, я все время над ним смеялась, дерзкие речи говорила, сама не знаю отчего. А он был самолюбивый: вижу я, побледнел, губы кусает – рассердился. Стало мне его жалко, однако я этого не показываю, собираюсь домой.

Анна Ивановна в разговоре нашем его сторону держала, спорила со мной. Он как будто повеселел.

– Позвольте, – говорит, – проводить вас, Прасковья Александровна; вот и Анна Ивановна пойдет, погода очень прекрасная.

Мы вышли.

Стало свежее и как будто стемнело; часы на вокзале показывали одиннадцать. Мне было весело и легко. Николай перестал дуться, шутил и смеялся.

Мы проходили по Лиговке; вдруг слышим – музыка играет, окна освещены.

– Что это? – спрашиваю я у Николая.

– Это гостиница «Дунай». Хорошая гостиница. Хотите, зайдем? Выпьем чайку, музыку послушаем. Право, зайдем? Ведь вам еще не поздно, Прасковья Александровна...

Я не знала, что сказать; заходить мне не хотелось, а отказаться – его было жаль: он так просил, и так я его обижала.

Вдруг Анна Ивановна говорит:

– Зайдем, пожалуй, отчего не зайти? Вы нам пару пива поставите. Идешь, Паша?

Я молча пошла за ними. Мы отворили парадную дверь и стали подниматься по лестнице на второй этаж. Оглянулась я, а моей Анны Ивановны нет как нет.

Я испугалась.

– Где ж Анна Ивановна?

– А она, кажется, своего мужа встретила в дверях. Она сейчас придет...

Нас провели в номер. Это была небольшая узкая комната в одно окно. Пестренькая занавеска была спущена. Такая же пестрая перегородка разделяла номер на две половины. Перед диваном стоял стол, покрытый белой вязаной салфеткой. Я не хотела садиться, прохаживалась по комнате и все спрашивала, где Анна Ивановна.

– Право же она встретила Василия Дмитриевича и пошла с ним, – сказал Николай. – Она сейчас придет сюда. А вернее всего, что они тут, в соседней комнате. Человек! две бутылки меду! Пива тоже подай. Вы что пьете, Прасковья Александровна?

– Я ничего не пью, – право, мне ничего не нужно.

– Ну, я один буду пить за ваше здоровье. Только присядьте со мной.

Я села на диван. Принесли меду. Сначала я видела, как он тихонько улыбался, наливая себе стакан, потом сразу сделался серьезен, поднялся со своего места и сел рядом со мной. Я посмотрела на него: он был бледен, а в глазах его мне почудилось что-то злое и жестокое. Я испугалась и хотела встать, но он удержал.

– Полюбите меня!

– Послушайте, право, я удивляюсь: не глупый вы мужчина, и вдруг такие у вас ни к чему не нужные мысли. И где это только Анна Ивановна?

Он помолчал.

– Я слышал, Прасковья Александровна – за вами артельщик один очень ухаживает?

– Правда, ухаживает. А вам-то что? За мной не один он ухаживает.

– Вот это-то мне и не нравится.

Николай крепко обнял меня. Я вскрикнула, хотела вырваться, но он держал меня и, наклонившись близко, произнес:

– Не кричи, все равно дверь заперта...

Помню одно, что после я, как безумная, выбежала оттуда на улицу. Я не хорошо понимала, что со мной, и не знала, что делать. По счастью, я захватила с собой из дому два рубля; не раздумывая долго, я пошла на вокзал, взяла билет и уехала к дяде в колонию. Он не удивился: из института меня часто пускали к нему гостить. Только там я немножко одумалась и начала понимать, что со мною случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.